

ЮХАНИ ЛЕХТИРАНТА (Хельсинки)

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ПИСЬМЕННОСТИ ДЛЯ КОЛЬСКИХ СААМОВ

Недавно на страницах журнала «Советское финно-угроведение» обсуждались проблемы развития в Советском Союзе письменности на саамском языке (точнее, на саамских языках). Арво Ээк сообщил о конференции по саамскому языку и культуре, состоявшейся в Ловозере (Еек 1984), Вяйно Клаус остановился на возможных вариантах письменности кольских саамов (1984). Есть основания продолжить обсуждение и особенно изучение проблем фонологии и орфографии саамского языка, распространенного на территории СССР.

1. Переход от устной речи к письменному языку.

Как известно, история возникновения большинства письменных языков была сложной и болезненной. Уже сложившийся письменный язык еще сложнее изменить коренным образом. В языках, имеющих существенные диалектные различия, литературный язык может опираться на какой-нибудь центральный или наиболее значительный диалект либо возможен определенный компромисс между диалектами. Аналогичный выбор следует сделать и в отношении письменности саамов СССР. Это не так просто, поскольку между ними существенны диалектные различия — в области фонологии, морфологии и морфонологии.

В настоящее время за пределами СССР насчитывается пять саамских языков, имеющих письменность (южно-, луле-, северно-, инари- и колтасаамский). Из них активно функционирует в этом плане лишь наиболее значительный северносаамский язык. Для него в конце 1970-х годов была создана т. н. международная орфография, которая используется в Норвегии, Швеции, Финляндии. Эта единая орфография создавалась усилиями самих саамов, но ее разработке содействовали научные исследования по фонологии, морфологии и диалектологии северносаамского языка. Высокий уровень исследований фонологии и морфологии южносаамского языка также послужил предпосылкой разработки его орфографии (южносаамский язык довольно сложен в фонологическом отношении). Значительный вклад в это внес норвежский исследователь Кнут Бергсланд, который недавно издал практическую грамматику южносаамского языка (Bergsland 1982). Решающее значение для разработки орфографии колтасаамского языка имели обстоятельные исследования финских ученых, в первую очередь Микко Корхонена (кроме того, в разработке орфографии принимали участие Пекка Саммаллахти и саам Йоуни Мосникофф). При исследованиях в Советском Союзе следует учесть опыт создания письменности других саамских языков.

2. Саамские языки на территории СССР.

Прежде всего необходимо выяснить, возможна ли вообще орфография, пригодная для всех саамов Советского Союза. Есть основания полагать, что нет, поскольку в СССР распространены три или четыре саамских языка, между которыми существуют отчетливые морфологические и фонологические различия.

Крупнейшим языком, носители которого составляют большую часть проживающих в СССР саамов, является кильдинский, который характеризуется определенными диалектными различиями, так что не просто разработать для него нормы письменности. Изучен этот язык довольно слабо. Единственным фонологическим анализом его является сообщение Эрки Итконена о фонематической транскрипции кильдинского языка (E. Itkonen 1971), которое опирается на материал, собранный в течение двух с половиной месяцев от одного информанта из села Шонгуй (к югу от Мурманска). Диалект Шонгуя имеет некоторые западные черты и во многих отношениях консервативен (например, сохранились окончания *-m* в 1 л. ед. ч. глагола и окончание инфинитива *-δ*).

Тем самым упомянутый фонологический анализ для создания письменности недостаточен. По-видимому, В. Клаус (1984) легко об этом забывает. Нет ни одной серьезной грамматики кильдинского языка. Грамматика Г. М. Керта (1971) недостаточна по своему фонологическому анализу и может даже ввести в заблуждение (так, он не вполне тщательно разграничивает гласные фонемы).

К западу от кильдинского (а в настоящее время, вероятно, и в районе Ловозера) распространен колтасаамский язык, диалектами которого на территории СССР являются нотозерский и суэнньельский (фин. Suonikuulä). Второй употребляется также в Финляндии, где он послужил основой для разработки орфографии колтасаамского языка. Колтасаамский и кильдинский во многих отношениях заметно отличаются друг от друга:

- 1) в кильдинском (и других языках кольских саамов) сохранились сочетания носового и взрывного согласных, которые отсутствуют в колтасаамском: например, колт. /lã'dd/ ~ кильд. /lã'nd/ 'птица';
- 2) различаются системы чередования согласных: колт. [-ɔp- : -^op̄-] и [p̄ : v], но кильд. [-ɔp- : -^op̄-] и [-vp- : -β-];
- 3) в колтасаамском сохранилась разница между *δ* и *t* (в сильной степени): колт. ном. /nõdđd/ : ген.-акк. /nõdđâ/ 'ручка, рукоятка'; кильд. ном. /nedd/ : ген.-акк. /nẽd(ě)/ то же;
- 4) имеются различия в системе гласных, это касается дифтонгов (ср. Korhonen 1981 : 20).

Морфологически данные языки также существенно отличаются друг от друга (например, в колтасаамском сохранились окончания инфинитива *-d* и *-m* 1 л. ед. ч., которые утрачены или утрачиваются в кильдинском).

Особенно мало известен бабинский язык или диалект, самым значительным источником является словарь Генетца (Genetz 1891). Короткая статья П. И. Зайкова (1978) не дает представления о том, является ли бабинский диалектом кильдинского или же его следует считать самостоятельным языком.

Иоканьгский язык примерно настолько же отличается от кильдинского, как колтасаамский. Изучен он слабо. Недавно был сделан первый последовательный фонологический анализ (Korhonen 1984), опирающийся на довольно ограниченный материал. Вокализм иоканьгского языка, а также палатальная корреляция и количественные характеристики консонантизма явно отличаются от таковых кильдинского языка.

Кроме того, в нем главное ударение может быть на первом слоге (явление, не известное другим саамским языкам). Иоканьгские саамы вряд ли смогли бы пользоваться орфографией, основанной на кильдинском языке.

Вышеизложенное позволяет сделать два вывода. Во-первых, необходимо продолжать и активизировать научные исследования саамских языков СССР. Во-вторых, саамская орфография должна опираться на кильдинский язык и может, видимо, использоваться лишь носителями этого языка. Разработка орфографии предполагает более тщательное исследование кильдинского языка. В первую очередь должны быть выяснены фонологические, морфологические и диалектные особенности.

3. Основа орфографии: исследование морфонемики.

В своей статье (1984), в основном опираясь на фонологический анализ Э. Итконена и словарь Т. И. Итконена (Т. I. Itkonen 1958), Клаус рассматривает проблемы графем, а не собственно фонологии. Он анализирует в основной части одиночные слова и их формы (только двухсложные!). Однако проблемы орфографии необходимо рассмотреть и с морфофонематической точки зрения, так как внутрипарадигматические оппозиции должны быть изучены в совокупности. В кильдинском языке проблемы фонологии (и на ее основе орфографии) не ограничиваются двумя первыми слогами. Так, Клаус совершенно не касается проблемы разделительного знака (-x' x-), которая актуальна как раз для слов, изначально содержащих более трех слогов (ср. E. Itkonen 1971 : 107—108).

Прежде всего следует выяснить, действителен ли фонологический анализ Э. Итконена для всего кильдинского языка. Затем необходимо определить, какие фонологически релевантные признаки и оппозиции можно не различать в орфографии. Если окажется, что фонологическая система Итконена распространяется на весь кильдинский язык, то многое из предложенного Клаусом может быть использовано.

В таком случае в принципе понадобился бы лишь один диакритический знак в дополнение к буквам русского алфавита (например, знак $\acute{\ }$). Таким образом: / α / = $\acute{\alpha}$, / $\acute{\alpha}$ / = $\acute{\acute{\alpha}}$ (см. также Клаус 1984 : 176), / η / = $\acute{\eta}$, / χ / = $\acute{\chi}$. Преаспирацию можно обозначить, например, буквой x , если это покажется необходимым. / e / можно передать как $\acute{e}$, а не $\acute{\acute{e}}$. (То, что Керт (1971) и Куруч (1981) не всегда отличают / a / от / α /, свидетельствует отнюдь не об отсутствии этих фонем (см. также Клаус 1984 : 276—277), а о том, что разница, существующая между ними, требует от несаамов навыка восприятия.)

В первоначальном втором слоге гласными могут быть e и a (см. также Клаус 1984 : 275), / $\acute{e}$ /, фиксируемый Э. Итконеном, можно изобразить в виде e или ϕ . По Э. Итконену, соотношение элементов в чередовании смычных возможно в виде / pp / : / b / и / bb / : / β / . Вероятно, это действует не на всей территории обитания кильдинских саамов. (Произношение информанта Э. Итконена имеет некоторые особенности, не известные в других районах. Например, в сочетаниях согласных, оканчивающихся на придыхательной смычный, преаспирация выступает также в слабой степени: ном. [$p\acute{e}\acute{r}t$] : ген.-акк. [$pe\acute{r}t$] 'дом'). По моему, нецелесообразно решать эти проблемы, обращаясь к иоканьгскому или бабинскому языку, как это сделал Клаус (1984 : 279).

Во всяком случае суперсегментная палатализация, очевидно, является фонологическим свойством и это следует отразить в орфографии. Для ее обозначения можно использовать знак $\grave{ }$ между гласным и согласным (см. также Клаус 1984 : 278). Тогда, с другой стороны, $\grave{ }$ можно использовать в части диграфа, обозначающего палатализованную фо-

нему: $[l]$ = *ль*, $[n]$ = *нь*, $[ʒ]$ = *жь*. Геминату можно передать удвоением второго компонента (как это сделано в северносаамском): $[ll]$ = *лль*. Ступени чередования сочетаний согласных лучше всего изобразить удвоением начального компонента сильной ступени (см. также Клаус 1984 : 277), а не знаком акцентуации: *лкк* : *лк*, а не *л̇к* : *лк*.

Соображения, высказанные в этой статье, опираются на материал, находящийся в распоряжении ее автора (Т. I. Itkonen 1931 и 1958; Керт 1961 и 1971, Е. Itkonen 1946 и 1971, Korhonen 1967). Видимо, можно начать рассмотрение отдельных деталей орфографии еще то того, как тщательнее будут изучены фонология и морфофонемика кильдинского языка.

Разработка орфографии кильдинского языка должна проходить в тесном сотрудничестве ученых и саамов. Важной представляется подготовка в СССР исследователей саамского языка (ср. Еек 1984 : 240). В этой связи бесполезно сотрудничество с финскими исследователями саамского языка и с саамами, ведь у них накоплен опыт исследований и разработки письма. Эти исследователи обращались также к саамским языкам Советского Союза.

В заключение дается сказка из букваря А. А. Антоновой (1982 : 105), которая была записана на пленку в Москве в 1983 году от Н. Е. Афанасьевой. В первой строке приводится текст сказки, как она дана у Антоновой; во второй — фонетическая интерпретация произношения Афанасьевой автором статьи; в третьей — предполагаемая (теоретическая) фонемизация на основе диалекта Шонгуя; в четвертой — перевод.

1. Кёнѳцэсь, удць чалма. Сәмь моайнас.
2. $[kieŋ^dʒeʃ \ u\tauʃ \ tʃalma' \ . \ sã\eta \ m'ãi\eta'n'a' \ .]$
3. *kie'nʒes u'ʒʒ čalma. sã'm mājnas.*
4. Узкие (маленькие) глазки. Саамская сказка.
1. Рймьн-кällсасьт чальм ев уйн. Сөнн
2. $rĩ\eta^n \ kãlsãʃt \ tʃel\eta^i \ jie^{\beta} \ ui\eta. \ sonn$
3. *rĩ'mn kãlʃsast čel'm jieβ ujn. sun*
4. Глаза дедушки-лиса не видят. Он
1. ёадт кōфксувант вэсьт мӯрә. Танна сөнн
2. $jãdt \ ku\phi ksã^nlãnd \ vɛst \ mūrã \ . \ tãna \ sonn$
3. *jãdd kōʃk,selãnd(?) vɛst mūrë. tãnna sun*
4. идет, спотыкается о деревья. Тогда он
1. элькэ мӯрәнѳ аннэ чильмэтѳ. Педзь сārрн:
2. $e\ell^{\alpha}kɛ \ mūrãn \ãnne \ tʃil\eta\eta. \ pie\tauʃ \ sãrn:$
3. *e'lge(j) mūrãnãnne(ð) čel'med. pie'ʒʒ sãrn:*
4. решил попросить у деревьев глаза. Сосна говорит:
1. — Мун чальм тэрвенѳ лѳв тиввтма.
2. $mũ^n \ tʃalã\eta \ tɛ\tau\tau\eta \ lɛ^{\beta} \ ti\eta\eta\eta.$
3. *mũnë čalma tɛ'rven lieβ tiutenž.*
4. «Мои глазки наполнены смолой.»
1. Кӯсс сārрн: — Мун чильмэтѳ сãххтар коатә:
2. $kũss \ sãrn: \ mũ^n \ tʃil\eta\eta. \ seã\eta\eta\eta \ kãðe.$
3. *kũss sãrn: mũnë čel'med seãvta\eta kãde(j).*
4. Ель говорит: «Мои глаза покрыл светлый мох.»
1. Пёссьмурр сārрн: — Кэжь чильмэтѳ мун пёссесьт.

2. *piešsmūrr sār̄n: kēže tšil̄met̄e mūn pieš̄št.*
3. *pie'ss-mūrr sār̄n: kēžē čē'lmed mūnē pie'ssest.*
4. Береза говорит: «Попроси глаза у моей бересты.»
1. Пёссь сār̄rn: — Мун чальм лёв кён̄џц я удц̄ьха.
2. *piešš sār̄n: mūⁿ tšal̄m lieβ kien̄d̄zeš ja uṗt̄šla.*
3. *pie'ss sār̄n: mūnē čalma lieβ kie'nzes ja u'ʒʒɣa.*
4. Береста говорит «Мои глазки узенькие и маленькие.»
1. Рйм̄мьн-кālлса сār̄rn: — Кён̄џцэсь чалма лёв
2. *rīm̄ⁿ kāl̄sa sār̄n: kien̄d̄zeš tšal̄mā' lieβ*
3. *rī'm̄n̄ käll,señž sār̄n: kie'nzes čalma lieβ*
4. Дедушка-лис говорит: «узенькие глазки
1. мōджесь чалма, а удц̄ чалма кукас уй̄нэв.
2. *mō'p̄t̄šēš tšal̄mā', a uṗt̄š tšal̄mā' ku^ok'a's uṗneβ.*
3. *mō'žžes čalma, a u'ʒʒ čalma kugas u'jneβ.*
4. красивые глазки, но маленькие глазки далеко видят.»
1. Рйм̄мьн-каллса шэнтэ чильмэгүэйм.
2. *rīm̄ⁿ kāl̄sa šēn̄d̄e tšil̄m̄d̄oḃim]*
3. *rī'm̄n̄-käll,señž šēnde(j) čē'lmejgu'jm|*
4. Дед-лис получил глаза.

Таким образом, и этот текст свидетельствует о том, что поиск орфографии не прост.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова А. А. 1982, Сәмь букваррь, Ленинград.
- Зайков П. И. 1978, Способы выражения номинатива множественного числа существительных в бабинском диалекте саамского языка. — СФУ XIV, 276—320.
- Керт Г. М. 1961, Образцы саамской речи, Ленинград.
- 1971, Саамский язык (кильдинский диалект), Ленинград.
- Клаус В. 1984, Об алфавите и орфографии литературного языка кольских саамов. — СФУ XX, 274—281.
- Куруч Р. Д. 1981, О категории числа существительных в кильдинском диалекте саамского языка. — СФУ XVII, 266—272.
- Bergsländ, K. 1982, Sydsamisk grammatikk, Kristiansand.
- Бек, А. 1984, Probleme der lappischen Sprache und Kultur auf der Konferenz in Lujavr. — СФУ XX, 237—240.
- Genetz, A. 1891, Kuollan Lapin murteiden sanakirja ynnä kielennäytteitä, Helsingfors.
- Itkonen, E. 1946, Struktur und Entwicklung der ostlappischen Quantitätssysteme, Helsinki (MSFOu 88).
- 1971, Ehdotus kildinlappin Šongujin murteen fonemaattiseksi transkriptioksi. — E. Itkonen, T. Itkonen, M. Korhonen, P. Sammallahhti, Lapin murteiden fonologiaa, Helsinki (Castrenianumin toimitteita 1), 87—110.
- Itkonen, T. I. 1931, Koltan- ja kuolanlappalaisia satuja, Helsinki (MSFOu LX).
- 1958, Koltan- ja kuolanlappin sanakirja I—II, Helsinki (LSFU 15).
- Korhonen, M. 1967 & 1974, Die Konjugation im Lappischen I & II, Helsinki (MSFOu 143 & 155).
- 1981, Johdatus lapin kielen historiaan, Helsinki.
- 1984, Zur zentralen Problematik der terlappischen Phonologie. — Studien zur phonologischen Beschreibung uralischer Sprachen, Budapest, 311—323.

JUHANI LEHTIRANTA (Helsinki)

HOW SHOULD A LITERARY LANGUAGE FOR THE KOLA LAPPS BE CREATED

The article attempts to point out some of the main problems of creating a literary language and practical orthography for the Lapps (Saamis) in the USSR. The author gives some examples concerning the creation of literary languages for the western Lappish languages. These languages were widely studied scientifically before creating the literary norms. In the USSR there are spoken three or four Lappish languages (Skolt Lappish, Kildin Lappish, Jokanga Lappish and perhaps also Babinsk Lappish, which may be a dialect of Kildin Lappish) that differ from one other in many respects. Therefore one literary language can hardly serve all the Soviet Lapps.

The conclusions are: 1) The scientific study of these languages must be continued more widely than before; 2) The literary language has to be based on one language, in this case on the main language, Kildin Lappish. It might also be useful to cooperate, e. g. with Finnish scholars who have experimented in the creation of a literary language for the Skolt Lapps and who have also studied the Lappish languages spoken in the USSR.